

11. Пища для размышлений

На четыре восхитительные секунды Оуян Чэ застыл от неожиданности. Затем Мо Исюань одним предложением разрушил всё.

«Тебе не нужно есть».

Оуян Чэ сам научил его этому: культиваторы высокого уровня не нуждаются в обычной еде и питье, и все высшие лорды секты Звёздного павильона соответствуют этому критерию.

«Потребность и желание — это две совершенно разные вещи», — легкомысленно сказал Оуян Чэ и сел на тот же валун, где до этого отдыхал Мо Исюань. «Должно быть, прошло уже около ста лет с тех пор, как я в последний раз видел, как ты готовишь. Ты ещё помнишь, как это делается?»

Уголок рта Мо Исюаня дёрнулся.

—

Несколько часов спустя они втроём уже сидели за столом во дворе и готовились к обеду. Порция Нань Уюэ была простой: щедрая порция риса, большая порция жареной свинины с зелёной фасолью и тарелка томатно-яичного супа.

Оуян Чэ перевёл взгляд с тарелок мальчика на свою. «Что это?» Всё, что он мог разглядеть, — это круглые белые цилиндры, покрытые каким-то красным соусом.

— Рисовые шарики, — просто ответил Мо Исюань. — Полностью вегетарианское блюдо, очень вкусное. Попробуй.

Всё ещё сомневаясь, Оуян Чэ взял палочки и отправил в рот первый рисовый пирожок. Через несколько секунд он зашипел, подавившись соусом, и закашлялся.

Остро! Очень остро!

Он в отчаянии огляделся в поисках напитка и схватил чашку с прозрачной жидкостью, стоявшую рядом с его тарелкой. Но как только он выпил её содержимое, на глаза навернулись слёзы.

Клянусь клыками двуглавого дракона, это был алкоголь!

— Ты... — он указал пальцем на Мо Исюаня, который лишь покачал головой.

— Тебе не нужно было это есть.

«Ты не сказал, что это острое блюдо!»

— А должен был? Мо Исюань приподнял бровь. — Ты никогда не говорил, что не справишься с этим.

«Ха-ха-ха», — произнёс Оуян Чэ одними губами. «Вижу, твоя мелочная натура всё ещё жива и процветает».

Нань Уюэ молча ел рис, опустив голову. Когда это вдруг превратилось в странный семейный обед? Судя по его опыту, Оуян Чэ и Мо Исюань ненавидели друг друга. Более того, в своей первой жизни он даже заручился поддержкой беззаботного владыки пика, чтобы свергнуть своего господина. Теперь же, похоже...

...что они двое ладили друг с другом?

Он вспомнил тот день, когда Мо Исюань вышел из ци очищающего источника. Его учитель оставил его на горе Луодзя, чтобы он восстановился, а сам на мече Оуян Чэ отправился обратно на гору Цзиньтинь. Если он правильно помнил, именно тогда начались странности с Мо Исюанем. С каких это пор он вообще разговаривает с Оуян Чэ?

«Парень, я возьму то, что причитается мне как гостю, из твоей доли!»

Это было единственное предупреждение, которое получил Нань Уюэ, прежде чем Оуян Чэ бесцеремонно нацелил свои палочки на порцию ученика и съел большой кусок риса с мясом и овощами. Нань Уюэ тут же ошетинился — он не любил, когда у него что-то крали!

Его палочки для еды взлетели и схватили с тарелки повелителя две рисовые лепёшки, политые соусом, прежде чем он отправил их в рот. Они были острыми, но в то же время сладкими, с сочетанием жгучего и насыщенного, восхитительного вкуса, который согревал его на холодной горной вершине. Белый кунжут и мелко нарезанный зелёный лук придавали блюду освежающую нотку, которая компенсировала его приторную, тягучую текстуру. Будучи выходцем с юга, Нань Уюэ привык к более мягким вкусам в еде, поэтому от внезапной атаки у него защипало в горле и глазах. Но вкус ему понравился, а радость от победы, которую он испытал, увидев раздражённый взгляд Оуян Чэ, только усилила боль.

(Если бы Мо Исюань мог читать мысли Нань Уюэ, он бы снова назвал его мазохистом.)

«Кто тебе позволил брать с моей тарелки?» — возмутился Оуян Чэ.

Нань Уюэ сглотнул, прежде чем выдать из себя: «Шизун снова начал готовить из-за меня. Я ем только то, что принадлежало бы мне, если бы здесь не было господина пика Оуяна».

«Наглый мальчишка!» Оуян Чэ прищурился и ударил по краю нетронутой тарелки с супом, стоявшей перед Нань Уюэ. Брызги супа полетели во все стороны, а он схватил ложку, зачерпнул немного жидкости и отправил в рот. «Я бы поспорил, но лучше выпью чего-нибудь освежающего!»

Не желая отставать, Нань Уюэ взял тарелку с супом и залпом выпил половину. «У господина Оуяна хороший вкус. Этот суп действительно освежает!»

Ещё два кусочка риса с мясом исчезли с глаз Нань Уюэ. «Пока ты наслаждаешься напитками, я попробую основное блюдо!»

В ответ Нань Уюэ насадил на палочки ещё пять рисовых пирожных и проглотил их целиком. «Господин Оуян должен знать, что гостям не следует злоупотреблять гостеприимством!»

В ответ Оуян Чэ просто выбил табурет из-под ног младшего мальчика. «Невоспитанным детям не место за этим столом!»

«Гостей, которые перебивают хозяев, больше не пригласят!» — парировал Нань Уюэ, не вставая с места, и потянулся к тарелке с рисовыми клецками.

Оуян Чэ остановил его палочками на полпути, и они начали яростную схватку на столешнице. В результате их борьбы на стол выплеснулся соус, а палочки Нань Уюэ соскользнули, и два рисовых шарика скатились с края тарелки и взлетели в воздух...

ХЛОП!

Обе фигуры резко повернули головы в сторону Мо Исюаня, который, вскочив на ноги, ударил ладонями по столу. Тарелки и миски взлетели в воздух. Прежде чем они успели упасть, Мо Исюань направил свою ци и зафиксировал их в воздухе. Даже два упавших рисовых пирожка остались висеть в сантиметрах от стола, а их бока блестели от красного соуса.

— Не играйте с едой, — заявил он, пристально глядя на них обоих.

Пока Нань Уюэ и Оуян Чэ продолжали смотреть на него, Мо Исюань просто взмахнул руками. Половина порции Нань Уюэ, которую он так и не съел, перелетела на тарелку Оуян Чэ, а часть его порции оказалась на тарелке Нань Уюэ. Два упавших рисовых пирожка вернулись на свои места, а Мо Исюань убрал руки на колени.

Оуян Чэ первым отреагировал на происходящее, хлопнув в ладоши. «Замечательная ци манипуляция, младший брат! Ни рисинки, ни крупинки специй не выбиваются из общей картины!»

Нань Уюэ был более сдержанным. «Прошу прощения за своё поведение, Шизунь».

Мо Исюань окинул стол последним взглядом и поднялся на ноги. «Вымойте тарелки», — сказал он им обоим и изящно вышел из двора.

Губы Оуян Чэ скривились в ироничной улыбке от того, что с ним обращаются как с ребёнком, а Нань Уюэ молча смотрел вслед удаляющемуся высокому мужчине. Он вдруг понял, что впервые повёл себя так импульсивно перед своим учителем. В прошлой жизни он почти не разговаривал с этим человеком, слишком стесняясь своей слабости. Позже это переросло в подавление ненависти к человеку, который снова и снова навязывал ему свою волю.

Но с тех пор, как он вышел из ци очищающего бассейна, его хозяин не оказывал на него никакого давления. Даже когда Нань Уюэ привлекал его внимание, Мо Исюань, казалось, сохранял между ними прохладную дистанцию и делал только то, что было необходимо, и ничего больше. Это был не тот хозяин, которого он знал раньше, и его беспокоило, что настоящее и его воспоминания не совпадают.

«Наслаждаешься пейзажем, не так ли?» До него донёлся игривый голос Оуян Чэ, и Нань Уюэ резко обернулся.

«Повелитель пика Оуян, с Шизунем... всё в порядке?» — внезапно спросил он.

Оуян Чэ лишь бесстрастно посмотрел на него. «Ты беспокоишься о нём?»

На лице Нань Уюэ мелькнуло недовольство, и он тут же отверг эту идею. «Он просто сам не свой», — сказал он.

— Это правда, — тихо хмыкнул Оуян Чэ. Теперь на его губах играла полуулыбка, но в глазах не было веселья. — Все в секте слышали, как он в тебя влюблён. Полагаю, для него стало шоком, что ты вдруг охладел к нему.

Он с нарастающим весельем наблюдал за тем, как мальчик рядом с ним, кажется, оцетинился от его слов. Когда Нань Уюэ, казалось, был готов возразить, Оуян спокойно высвободил часть своей ауры, и мощная ци мгновенно навалилась на стол, как гора. Он был слегка удивлён, когда Нань Уюэ слегка пошатнулся, но всё же упрямо продолжил сидеть, выпрямив спину и нахмутив брови.

— Меня это не волнует, — процедил Нань Уюэ холодным тоном.

Вот он, маленький бунтарь за работой. Оуян Чэ вдруг пожалел, что Мо Исюань «исправился». Если бы всё шло своим чередом, он бы точно взял мальчика под своё крыло, чтобы потом разоблачить его хозяина.

— Я думаю, тебе это очень «небезразлично», — парировал он, всё ещё улыбаясь. — Но вот знаешь ли ты, во что ввязываешься, — это совсем другой вопрос.

Нань Уюэ напрягся, услышав эти слова. В другое время, в другой жизни Оуян Чэ сказал бы то же самое, прежде чем тайно переманить его на свою сторону. Вместе они боролись против Мо Исюаня и его коррупционных методов в секте. Но это произошло много лет спустя, так почему же Оуян Чэ снова повторяет ту же фразу? Может быть, из-за его вмешательства ситуация обострилась раньше времени? Готов ли глава пика принять его в качестве союзника прямо сейчас? Нань Уюэ невольно затаил дыхание, ожидая ключевого предложения, которое закрепило бы их сотрудничество в этой жизни.

Вы видите больше, чем показываете. Я могу помочь вам открыть глаза всей секте.

«Ты слепее, чем думаешь. Я не могу помочь тебе прозреть, если ты даже глаз не открываешь», — резко сказал Оуян Чэ, ковыряясь в тарелке. Нань Уюэ уставился на него, как громом поражённый. Оуян Чэ лишь приподнял бровь. «А ты в последнее время слишком очевиден».

По спине Нань Уюэ тут же пробежал холодок. Он нахмурился — такое случалось всё чаще.

«Думаешь, ты всё понимаешь только потому, что с детства воспитывался в этой секте? — продолжил владыка пика. — Я был здесь с момента её основания. Я знаю её прошлое и тайны гораздо лучше тебя».

— Тогда... — пролепетал Нань Уюэ. — Тогда ты знаешь...

— Не твоё дело, что я знаю, — перебил его Оуян Чэ, чувствуя, как напряжение вокруг них нарастает. На лбу Нань Уюэ выступил пот, пока он боролся с непосильной тяжестью, которая, казалось, давила на него сверху. — Но будь уверен, я прекрасно понимаю твои намерения и терплю их только по собственному желанию.

Оуян Чэ был не из тех, кого волнует, что повелители вершин делают со своими учениками, но он не мог оставить без внимания пренебрежительное отношение к своим собратьям по секте. Ещё полмесяца назад он был бы рад, если бы эта пара учитель и ученик продолжали выяснять отношения. Но теперь, когда «Мо Исюань» умер и его место занял незнакомец, было ещё слишком рано наблюдать за тем, как он становится жертвой таких мелочных интриг.

Нань Уюэ всё ещё сомневался. Он подозрительно прищурился, глядя на старшего мужчину, и прошептал: «Я думал, ты его ненавидишь». Не было нужды уточнять, кого он имел в виду.

«Да, — признался Оуян Чэ. — И сейчас тоже». Но «Мо Исюань» и Мо Исюань — это две совершенно разные вещи.

“Тогда почему—”

— Опять же, это не твоё дело, — перебил Оуян Чэ. — Полагаю, у тебя есть работа, которую нужно сделать.

Он резко встал и пододвинул тарелку к Нань Уюэ. Из-за исчезновения Мо Исюаня у него давно пропал аппетит, и он смог лишь вывести один иероглиф острым соусом на поверхности белого риса.

□ Чун. Идиот.

«Если бы меня здесь не было, все эти блюда достались бы тебе», — вторил ему Оуян Чэ. «Не забудь убрать за собой тарелку».

Пониженное давление воздуха подсказало Нань Уюэ, что Оуян Чэ ушёл, но он не сдвинулся с места, продолжая смотреть на оскорбительное послание, украшавшее рис.

Через несколько секунд он вонзил палочки в горку риса и разломил её.

—

Когда Оуян Чэ снова нашёл Мо Исюаня, тот стоял на краю своего пика и смотрел вниз, на далёкую долину. Оуян Чэ ловко перепрыгивал с камня на камень, пока не оказался рядом с Мо Исюанем.

«Ты же не собираешься снова спрыгнуть, не так ли?» — спросил Оуян Чэ.

Мо Исюань лишь взглянул на него, а затем снова посмотрел на открывающийся внизу пейзаж. «Я отказался от этой идеи, — признался он. — Но теперь, когда ты здесь, я не против попробовать ещё раз».

Оуян Чэ рассмеялся. «После того трюка, который ты провернул в прошлый раз, я сомневаюсь, что сейчас тебе что-то угрожает».

Взгляд Мо Исюаня не изменился, но он наклонил голову, чтобы лучше слышать. — В прошлый раз?

«Когда ты улетел». Оуян Чэ уточнил: «Я не успел объяснить, но... большинство из нас здесь так не делают».

Словно сомневаясь в его словах, Мо Исюань поднял глаза к небу, где культиваторы сновали туда-сюда. Ты что, принимаешь меня за дурака?

«Любой может летать с помощью духовного меча или особого сокровища, — продолжил Оуян Чэ. — Можно ненадолго зависать в воздухе во время боя. Но никому ещё не удавалось взлететь со скалы, так легко неся на себе другого человека».

Мо Исюаню захотелось поправить его: это Нань Уюэ цеплялась за него, а не наоборот. Но объяснение потребовало бы усилий, поэтому он просто отмахнулся от этой мысли и продолжил слушать.

«По мере того, как мы совершенствуемся, наши тела становятся легче, — объяснил Оуян Чэ. — Можно сказать, что кости и плоть очищаются на каждом уровне, по мере того, как мы приближаемся к божественности. В конце концов, мы перестаём нуждаться в еде и питье. Мы становимся практически невесомыми, и полёт становится для нас чем-то само собой разумеющимся, а не навыком. Прошли века с тех пор, как кто-то совершил подобный подвиг, потому что у всех нас есть то, что нас тяготит, — наша привязанность к этому миру».

Пока Оуян Чэ говорил, порыв ветра взъерошил его волосы, и чёрные как смоль локоны ленивыми волнами легли ему на лицо. «Люди веками вступали в секты, чтобы совершенствоваться: ради славы, ради власти, иногда ради силы или амбиций и богатства. С навыками совершенствующегося можно сделать многое, но лишь у немногих хватает чистой мотивации, чтобы дойти до конца».

На лице Мо Исюаня отразилось недоверие. Если Оуян Чэ намекал на то, что у него были такие мотивы, то он сильно ошибался.

«Чтобы добиться прогресса, не нужно полностью сосредотачиваться на совершенствовании, — добавил Оуян Чэ, явно прочитав выражение лица Мо Исюаня. — Нужно просто...не относиться к этому слишком серьёзно».

Легко. Невесомость. Неужели Оуян Чэ опустил до неудачных каламбуров? Мо Исюань остался невозмутим, а другой повелитель вершин скрестил руки на груди.

«Мо Исюань, что ты думаешь об этом мире?»

Переходите в наш телеграм. Чем больше там лайков. Тем больше сил мы приложим для этой новеллы

Обед Нань Уюэ:

<http://bllate.org/book/14721/1315230>